
УДК 82.09 (470.621)

ББК 83.3 Адыг

X 98

Хуако Ф.Н.

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры сервиса, туризма и связей с общественностью Майкопского государственного технологического университета, e-mail: fatimah2@mail.ru

Джамбекова Т.Б.

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и методики преподавания Чеченского государственного педагогического института, e-mail: Atb-1952@mail.ru

О философском подтексте прозы А.А. Хагурова

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается некоторая стилевая и композиционная специфика художественной прозы современного адыгского автора А.А.Хагурова, очередной сборник произведений которого увидел свет в прошедшем 2011-ом году. На основе производимого анализа прозы авторы статьи приходят к соответствующим выводам о специфике современной национальной прозы в целом.

Ключевые слова:

Адыгская литература, жизнь, достоверность, философия, малая проза, новелла, эссе, рассказ, стилевая специфика.

Khuako F.N.

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Service, Tourism and Public Relations, Maikop State University of Technology, e-mail: fatimah2@mail.ru

Djambekova T.B.

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Literature and Technique of Teaching, Chechen State Pedagogical Institute, e-mail: Atb-1952@mail.ru

On philosophical implication of prose of A.A. Khagurov

Abstract:

The paper deals with the style and composition specifics of art prose of A.A. Khagurov, the Adyghean modern writer, whose last collection of works was issued in 2011. On the basis of the analysis of prose the author of this paper arrives at a conclusion that the modern national prose as a whole is specific.

Keywords:

Adyghean literature, life, reliability, philosophy, small prose, short story, essay, story, style specifics.

Приступая к анализу новой книги («Жизнь коротка, как журавлиный крик», 2011) известного краснодарского профессора (а также доктора социологии, Заслуженного деятеля науки Кубани, Адыгеи, члена Союза писателей, Союза журналистов и т.д.) Айтеча Аюбовича Хагурова, вынуждены констатировать робость и нерешительность, охватившие нас с первого же момента знакомства с книгой. Самое сильное и незабываемое ощущение, появляющееся моментально и не отпускающее до конца, – это ощущение того, что писатель гораздо более полномерно понимает жизнь и гораздо более основательно воспринимает ее, нежели мы, рядовые читатели, и потому вполне объяснимым становится указанное ощущение собственной закомплексованности, немного мешающее, в свою очередь, каким-либо собственным суждениям о писателе и состоявшемся ученом.

Тем более, что сейчас, уже прочитав книгу, еще раз возвратимся к Эпilogу, размещенному в данном издании от имени Заслуженного работника культуры России Игоря Жданова-Пушкина, и вот здесь охватывает желание возразить автору напутствия. Конечно, красиво говорит он о таланте А.А.Хагурова, вменяя его в сочетание ума и сердца, т.е. объясняя его лишь таким дуэтом. Нами же моментально овладевает при таком заключении убежденность в некоей «недостаче». Нет, «ум» и «сердце» – да, но в случае с прозой А.А.Хагурова есть еще один компонент, причем едва ли не самый преобладающий в таком мотивирующем трио: «патриотизм» (из советской терминологии) или «этносознание» (из современной лексики), в общем, любовь к своему предку (из авторской лексики, т.е. «по-нашему»).

Вот та дирижерская палочка, которая делает всю эту мелодию ума и сердца произведениями, порой художественными, порой более публицистическими, порой научными, – но, главное, произведениями, звучащими в полный голос

и заражающими (в позитивном смысле) этим мотивом. Фактически постоянно извергающими ОГОНЬ, – тот огонь, который является полноправным действующим лицом книги, огонь, об исторжении которого А.А.Хагуров с восхищением и почитанием говорит, рисуя образы встречавшихся ему в жизни учителей и наставников, сеющих вокруг себя то самое «разумное, доброе, вечное», то самое, технологией посева коего он и сам овладел на своем жизненном пути (судя по его научным званиям и авторитету). Как говорит о подобном явлении современный исследователь М.Ю.Чотчаева (при анализе творчества К.Кулиева), «Думается, что присущий здесь автору исторический оптимизм не имеет ничего общего с идеологической риторикой, не оказывается элементом регламентации, скованности, этикетных норм, а является проявлением жизненной цельности и мудрости, помноженной на искренность» [1: 66]. При этом все возможные прелести благородного учительства автор благополучно воспроизводит с обеих ролевых позиций, – выступая и в роли ученика, и в роли педагога, подробно знакомя читателя и со своими учителями, и со своими воспитанниками.

Одновременно в одном из рассказов («Судьбоносный Коган») повествователь, пройдя воспроизводимые им пути детства и юности, в определенный момент сам оказывается уже полноценным педагогом. Причем в числе его спортивных воспитанников удивленный местный читатель распознает даже такого известного и заслуженного для Адыгеи художника, как Кат Теучеж. В подтверждение подобного биографического и даже духовного родства читатель, открыв очередную страницу, обнаружит на ней столь знакомый по нашим выставочным залам стиль художника. Кат Теучеж здесь порой абстрактно, но весьма содержательно изображает населяющие прозаические строки авторские образы и художественные явления. А это, в свою очередь, помогает нам, познакомив-

шись с персонажем словесно, воспроизведя его себе мысленно, вскоре воспринять его зрительно, т.е. задействуя большее число нервных рецепторов. Следовательно, читательское восприятие, обретая новые художественные грани, происходит гораздо основательнее, тем более на фоне не только воплотившегося персонажа, но и при рассмотрении тонко подмеченных и умело воспроизведенных в иллюстрациях окружающих обстоятельств, условий, предметов, а также некоторых сцен: текущих, пиковых или итоговых. Таким образом, созданные Катом Теучежем соответствующие содержанию прозы изображения можно уверенно поставить в несомненную заслугу данному изданию.

Однако, возвращаясь к педагогической деятельности А.А.Хагурова в изложении его рассказчика, отметим следующее. Даже встречая своих бывших учеников повзрослевшими и достигшими успехов, с радостью и с гордостью пожиная плоды своей деятельности по воспитанию талантливых боксеров и убеждаясь, тем самым, в собственном профессионализме, автор, казалось бы, имеет полное право поставить сделанное в заслугу себе, упорному и добившемуся своего педагогу, удачно освоившему воспитательную и тренировочную методику. Но нет, посвящен весь рассказ прирожденному от Бога учителю его детства, привившему своему вольному подростку умение добиваться цели в боксе и, тем самым, обогатившего его аналогичным бесценным умением и за пределами боксерского ринга. Вот как поэтично и восторженно формулирует А.А.Хагуров методику, применяемую его талантливым тренером, понимавшим и чувствовавшим все нюансы юности и строившим на этом осознании свои тренировки: «Фокусировались они на главном: помочь, – а если нужно, и заставить – будущего мужчину победить свои слабости, и безволие, и лень, и неуверенность с трусостью, и заносчивость, и браваду» [2: 248]. Научившийся владеть по мере необ-

ходимости собственным гибким трудолюбием и упорством ведущий повествование рассказчик время от времени обращается к деталям своей творческой и научной биографии, однако и здесь, упоминая достигнутые на созидательном поприще реальные успехи, А.А.Хагуров использует их лишь в качестве наглядной иллюстрации талантов и даров своего щедрого Учителя.

Аналогичная тональность – почтительная благодарность, порой наивное в своей искренности обожествление – проявляются еще не однажды в произведениях малой художественной прозы А.А.Хагурова. Ею же пронизан и другой рассказ, непосредственно посвященный матери друга автора, принявшей в свое время активное участие в его плодотворном воспитании, обучении и наставлении («Моя русская мать Валентина Гавриловна Пестрецова»). Не забывая и здесь точно, подробно воспроизводить фактические данные о своих героях, их именные и семейные, карьерные и личностные подробности, автор при этом приближается к публицистике. Однако периодически удаляется от нее в художественность, детализированно излагая все, испытываемое им, тогда еще юным мальчиком, в пору появляющихся на его пути препятствий, изначально пугающих его, но оказывающихся разрешимыми именно с помощью благородных и мудрых взрослых. Распознавая в матери своего любимого (доброе, интеллигентное и мудрое) друга, гармоничное сочетание названных качеств, истосковавшийся по душевной щедрости школьник радуется уже самому их наличию, а после получает их ежедневное олицетворение. С готовностью погружаясь в богатую библиотекой атмосферу данной семьи, мальчик получает в лице сидящей дома русской женщины талантливого педагога, активно содействующего ему в освоении русского языка и литературы. Установление персонального расписания и собственная инициатива добровольно взявшей на себя обязанность женщины

дали благотворный эффект, приведя к заметным успехам мальчика в школе, заняв, тем самым, уверенное место в обожаемых А.А.Хагуровым реальных персонажах.

Вообще сюжетная канва фактически каждого из прозаических произведений построена именно на таком, выделяемом нами чувстве благодарности со стороны автора: то мальчика, то подростка, то юноши, то взрослого мужчины, то мудрого профессора, но всегда в одном направлении. Порывы такого рода адресованы и устремлены к встреченным им когда-либо людям, так или иначе содействовавшим его возмужанию и становлению, выручавшим либо наставлявшим его на жизненном пути, – пути, хотя существенно состоявшемся, но не делающем оттого автора забывчивым и неблагодарным. Такими культовыми персонажами можно считать приютившую мальчика и становящуюся ему постепенно родной философствующую тетю Сасу («Переправа») либо прадеда Салеха (знакомого мальчику не только по семейным рассказам, но и лично), на его глазах противодействующего немцам, воспитывая в ребенке все необходимое для того времени («Салех и Ганка»); либо мудрую бабушку одноклассника из соседнего аула («Бабушка Абрека и научно-технический прогресс») и др., – всех их, возвращающих в формирующемся подростке человека.

Так, к примеру, глубоко потрясла мальчика, адаптирующегося к прогрессирующему в техническом отношении социуму, позиция старушки, авторитет которой был признанным среди соплеменников, и те торопились в первую очередь услышать именно ее суждение обо всем случающемся, что было в глазах земляков непреложной истиной. Воодушевленные происходящим на их глазах шагом цивилизации в космос, активно любопытные подростки решили первыми сообщить мудрой бабушке сенсационную новость о заходе на луну космического

аппарата. Посвятив религиозную верующую в подробности оседания на Луне «железки», подробно и достоверно растолковав ей технические детали, внук и его друг получают ожидаемую реакцию – жесткую, но справедливую, философскую и даже пророческую: «Если и закинули туда железку – она обратно им же на голову и упадет» [2: 279]. И далее автор, будучи в детстве покорен подобной стариковской прозорливостью, в качестве почина рассказа приводит собственные комментарии имеющейся сегодня за нашими окнами «цивилизации отходов», в очередной раз иллюстрируя мудрость почитаемых им персонажей.

Малую прозу А.А.Хагурова можно уверенно обозначить как весьма разнообразную в жанровом отношении, с часто имеющими место эссе и зарисовками, порой – с новеллами. Целиком отвечающие закону жанра, новеллы А.А.Хагурова обладают обязательной для них краткостью. Такое из характерных для жанровой специфики новеллы качество, как определенные вариации построения композиции, могущей быть ступенчатой, параллельной или цикличной, также реализуется в новеллах А.А.Хагурова. Так, ступенчато сооруженными оказывается большинство новеллистических подборок, есть и выстроенные циклично, т.е. обрамленные какой-либо общей сюжетной линией, содержащей вкрапленные в нее новеллы (цикл новелл «В яростном мире», – новеллы, окаймленные единой судьбой дяди). И еще обнаруживаемое в малой прозе А.А.Хагурова жанровое свойство новеллы – это острота сюжета, о наличии которой порой также можно говорить уверенно, к примеру, в новелле «Последний танец». Здесь повествование развивается остро, напряженно и драматично, вращаясь вокруг яркой и красочной героини, трагические эпизоды судьбы которой полностью захватывают читателя и не дают ему расслабиться до последних строк. Такая обязательная для новеллы

остросюжетность сообщает убедительную художественность авторской прозе, часто насыщенной философской мыслью, но оттого не менее живописной, являющейся собой по сути искрящийся философскими гранями самоцвет, искусно влитый в золотую огранку ожерелья – отечественной современной адыгской прозы.

Примечания:

1. Чотчаева М.Ю. Тема ссылки карачаево-балкарского народа сквозь призму судьбы творческой личности в автобиографической прозе и переписке К.Ш. Кулиева // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2009. Вып. 1. С. 60-67.
2. Хагуров А.А. Жизнь коротка, как журавлиный крик. Краснодар: Изд-во КубГАУ, 2011. 520 с.

References:

1. Chotchaeva M.Yu. The theme of the exile of the Karachai-Balkar people through the prism of destiny of a creative person in autobiographical prose and in K.Sh. Kuliev's correspondence // The Bulletin of the Adyghe State University. Maikop, 2009. Issue 1. P. 60-67.
2. Khagurov A.A. Life is short, as a crane's cry. Krasnodar: KubBGU Publishing house, 2011. 520 pp.